

Л.И. Сосковец

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ВЕРУЮЩИХ, ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ГОСУДАРСТВЕННО- ЦЕРКОВЫХ ОТНОШЕНИЙ (1939-1953 гг.)

Тема правового обеспечения существования и деятельности религиозных организаций и верующих в советском государстве получила определенное освещение в научной литературе, хотя основной объем исследований по этой проблематике был осуществлен советскими авторами¹. Соответственно, анализ юридического статуса конфессиональных объединений, вопросов свободы совести, правового положения верующих носил односторонний и далекий от объективной оценки характер, был идеологически предопределен и не предполагал особых разночтений. Положение религиозных объединений в СССР, права верующих оценивались как полностью соответствующие принципам свободы совести в самом широком и глубоком их понимании. Только правозащитная работа И. Шафаревича, выполненная в условиях «самиздата», давала иную трактовку правового положения верующих и их объединений в СССР².

В работах советских правоведов, историков и представителей «научного атеизма» весь спектр правовых и юридических норм, регламентировавших жизнедеятельность верующих и их организаций, определялся как «законодательство о религиозных культах». Это было официально принятое понятие и им единственным оперировали и власти, и научное сообщество. Сведение всей официально признанной и разрешенной религиозной жизни к культу было отнюдь не случайным, поскольку отказывало верующим и религиозным объединениям в ряде существенных и необходимых моментов исповедной жизни, в частности, пропаганде и распространении своей веры, катехизаторской деятельности, проявлении благотворительных начинаний и др.

В новейшей литературе тема правового регулирования деятельности религиозных организаций и положения верующих в советский период специально в качестве самостоятельной темы не исследовалась, но нашла определенное освещение в работах по государственно-церковным отношениям (Д. Поспеловский, М. Одинцов, М. Шкаровский, О. Васильева и др.), истории отдельных конфессий (Л. Митрохин, О. Лиценбергер, С. Иваненко и др.). Указанные и другие современные авторы не сомневаются в крайне ограничительном и дискриминационном характере советского законодательства о религиозных культах, которое, к тому же, постоянно нарушалось самими государственными институтами и лицами.

Любое государство, так или иначе, регламентирует жизнь церковных и других религиозных структур³. Пришедшие к власти большевики также занялись этим вопросом. В формировании правовой базы существования религий, церквей и верующих в СССР можно выделить три основных этапа: 1917-1920-е гг.; 1943-1946 гг.; конец 1950-х – 1960-е гг. На первом этапе в основном было оформлено так называемое «законодательство о религиозных культах». Второй этап отмечен выходом ряда дополнительных постановлений и распоряжений правительства, призванные обеспечить либерализационный курс И. Сталина в отношении церкви, принятый в годы войны. В конце 1950-1960-е гг. правовое положение религиозных организаций и регулирование их деятельности вновь ужесточалось, что нашло отражение как в ряде правительственных постановлений, так и в соответствующих разделах административного и уголовного законодательства страны.

Вообще-то, если быть точным, то специальных общесоюзных законов по вопросам религиозных культов не издавалось. Считается, что в основе «религиозно-церковного» законодательства СССР лежал документ, на котором базировались все остальные указы, постановления, инструкции и т.п., определявшие жизнедеятельность религиозных организаций и верующих в советском государстве. Речь идет о Декрете СНК от 23 января 1918 г. "Об

отделении церкви от государства и школы от церкви", который для страны, в которой никогда не было равноправия конфессий, никогда не приветствовался атеизм, был определенным шагом вперед. Декларирование отделения церкви от государства (ст. 1), школы от церкви (ст. 9), уравнивание тем самым в статусе всех религий, провозглашение свободы совести (ст. 3), запрещение дискриминации граждан по признаку веры (ст. 3) были вполне демократическими принципами, вписывались в общецивилизационный секуляритивный процесс. Не противоречила этому и статья 5 данного Декрета, в соответствии с которой допускалось свободное исполнение религиозных обрядов, если они не нарушали общественного порядка и не посягали на права граждан. Не могли вызвать возражения статьи 6: "Никто не может, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от исполнения гражданских обязанностей", 9: "Школа отделяется от государства... Граждане могут обучать и обучаться религии частным образом". Логично выглядели статьи 12 и 13 Декрета, принятого правительством, поставившим своей целью уничтожение частной собственности. Этими статьями церковь и религиозные организации лишались права владеть собственностью, теряли право юридического лица, а все их имущество объявлялось народным достоянием. Вместе с тем государство давало здания и предметы, предназначенные для богослужебных целей, в бесплатное пользование соответствующих религиозных обществ⁴.

Таким образом, Декрет 1918 г. содержал в себе намерения и обещания, выполнение которых могло бы создать, если не идеальные, то в целом приемлемые условия для религиозной жизни в стране. Но, как и все другие Декреты советской власти, в лучших своих положениях он остался невоплощенным. Заявленные в нем принципы свободы совести были извращены в угоду классовой, революционной, государственной целесообразности. В религиозном законодательстве восторжествовал другой принцип, емко сформулированный основоположником советского государства: законно все, что служит делу революции, делу социализма. Присутствие в советских конституциях

отсылка на соблюдение принципов свободы совести также не означало, что государство стремилось им соответствовать. Так, если Конституция 1918 г. хотя бы одинаково признавала свободу религиозной и антирелигиозной пропаганды, то статья 124 союзной Конституции 1936 г. «в целях обеспечения за гражданами свободы совести» признавала «свободу отправления религиозных культов и свободу антирелигиозной пропаганды ... за всеми гражданами»⁵, то есть равенство граждан нарушалось уже самой Конституцией, поскольку верующие, хотя и могли исповедовать религию и совершать религиозные обряды, но лишались возможности, в отличие от атеистов, распространять и пропагандировать свои религиозные взгляды.

Очевидно, что отделение церкви от государства вовсе не означало, что оно оставляло религиозные организации вне сферы своего контроля, наоборот, советское государство сохранило за собой право надзора и регламентации их деятельности.

Каков будет характер этой регламентации четко было обозначено в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. "О религиозных объединениях". Собственно, именно закон 1929 г. тщательно регулировал всю деятельность религиозных организаций в стране на протяжении всех лет советской власти. Можно считать, что он был основным правовым актом в религиозном вопросе. Подходы к реализации этого постановления детализировались и разъяснялись в Инструкции «О порядке проведения в жизнь законодательства о культах», принятой Постоянной комиссией по вопросу культов при Президиуме ВЦИК от 30 января 1931 г.⁶

Постановление 1929 г. закрепляло порядок образования и обязательную регистрацию религиозных обществ⁷. Они могли создаваться по месту жительства группой лиц одного вероисповедания в возрасте не моложе 18 лет. Под ходатайством о регистрации должны были подписаться не менее 20 верующих. Регистрирующие органы, а ими выступали исполнительные комитеты Советов, обязывались в течение месяца со дня подачи заявления или зарегистрировать

общество, или сообщить об отказе в этом. Следует заметить, что постановление 1929 г. рассматривало регистрацию как чисто фиксирующий акт, в нем не назывались причины, которые могли служить официальным основанием для отказа в ней.

Обращаем внимание и на то, что право общины на существование первоначально никак не было связано с обладанием молитвенным зданием, и поэтому отсутствие подходящего для этих целей помещения не являлось мотивом отказа в регистрации. Что такой связи не было, видно из указания о возможности аренды или строительства. В Инструкции 1931 г. говорилось: "Зарегистрированная община обязана в месячный срок со дня регистрации представить регистрирующему органу сведения о месте молитвенных собраний и заседаний их исполнительных органов, а в случае отсутствия у них специального помещения для молитвенного собрания также и сведения о месте собрания религиозного общества или группы"⁸. Но в реальной практике связь между регистрацией и наличием молитвенного здания была весьма существенной, иногда едва ли не решающей.

Вместе с тем, закон 1929 г. специально не предусматривал и такого действия, как снятие религиозной организации с регистрации. Правда, в "Инструкции" 1931 г. возможность ликвидации религиозного общества все же оговаривалась двумя причинами: 1) по решению самих верующих, если число оставивших свои подписи под заявлением будет менее 20; 2) «при обнаружении в деятельности религиозного объединения уклонения от установленных для него норм" и "в случае нежелания со стороны религиозного общества... исправить замеченные недочеты"⁹.

Если первоначально закон 1929 г. ничего не говорил о ликвидации религиозного общества, то вопрос о ликвидации молитвенного здания в нем ставился сразу. Это могло случиться, если не находились лица, желавшие пользоваться с религиозными целями зданием и культовым имуществом, или по "мотивированному" постановлению облисполкома. Мотивировка заключалась в

том, что культовое здание объявлялось необходимым для использования в государственных или общественных надобностях¹⁰.

Зарегистрированная организация получала по договору с местной властью специальное молитвенное здание и предметы богослужебного пользования. И помещение, и религиозная утварь выдавались в бесплатную и бессрочную аренду при условии использования их исключительно для культовых целей (пункт 7 постановления 1929 г.).

Получив уведомление о регистрации, члены общины могли собраться для избрания исполнительного органа по управлению ее делами. Процедура этого избрания была зарегламентирована так, что, как справедливо заметил И. Шафаревич, это очень трудно согласовывалось с идеей отделения церкви от государства¹¹. Во-первых, само собрание могло проводиться лишь с разрешения. Во-вторых, предписывалось, чтобы выборы проводились открытым голосованием, чтобы исполнительный орган состоял из 3-х человек, а ревизионная комиссия не менее чем из 3-х человек. Вместе с тем, даже выполнение всех этих условий не гарантировало санкционирования светской властью избранного исполнительного органа, так как местные исполкомы власти имели право отводить отдельных лиц из состава членов выборных церковных органов.

Иными словами, вся эта жесткая регламентация явно противоречила Декрету 1918 г., согласно которому религиозные общества подчинялись общим положениям о частных обществах.

Постановление 1929 г. узаконивало целый ряд категорических запрещений. Так, религиозным организациям воспрещалось: 1) создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения; 2) использовать находящееся в их распоряжении имущество для каких-либо иных целей, кроме культовых; 3) оказывать материальную помощь своим членам; 4) организовывать детские, юношеские, женские религиозные кружки, а также литературные,

музыкальные, рукодельческие; открывать библиотеки, читальные залы и т.п. (пункты 10, 11, 12 Постановления).

Не допускалось преподавание какого-либо религиозного вероучения в государственных, общественных и частных учебно-воспитательных заведениях, а только на богословских курсах, которые могли быть открыты с особого разрешения Наркомата внутренних дел (пункт 13). Во всех государственных, общественных, кооперативных и частных учреждениях не разрешалось совершение каких-либо религиозных обрядов и церемоний культа (пункт 20).

Деятельность служителей культа, религиозных проповедников ограничивалась только районом местожительства верующих этой общины и могла быть только богослужебной. Постановление "О религиозных объединениях" еще раз подтвердило отсутствие прав юридического лица у руководящих органов религиозных конфессий¹².

Очевидно, что закон 1929 г. был по преимуществу запретительным, так как разрешалось совсем немного: в редких случаях постройка нового молитвенного здания, сбор добровольных пожертвований, да и то лишь среди членов данного религиозного общества и только на содержание молитвенного дома, его ремонт, оплату исполнительному и обслуживающему персоналу. В реальной практике постоянно происходило ужесточение и без того ограниченных возможностей для официальной деятельности религиозных организаций, усиливалась дискриминация прав верующих. Так, в действительности процедура регистрации религиозного общества значительно усложнялась, бюрократизировалась и неимоверно затягивалась и, по сути, сама регистрация из фиксирующего акта превращалась в разрешительный. Нередко верующие в течение нескольких месяцев, а то и лет ждали ответы на свои ходатайства о регистрации. Их заявления с просьбой о легализации существования проходило длинный список инстанций, начиная с поселкового Совета и заканчивая Советами по делам религий в Москве. Каждый ходатай обязан был собственноручно поставить свою подпись под заявлением, а потом, в случае проверки подтвердить ее. Проверки же

на "истинность" заявителей проводились в такой форме, что некоторые верующие были вынуждены отказываться от своих подписей. Помещение, предполагаемое под пользование или аренду на богослужебные нужды, должно было отвечать всем строительно-техническим, санитарным, противопожарным и прочим требованиям, что, кстати, в условиях советского периода с его острым дефицитом всех ремонтных материалов, едва ли было возможным.

Таким образом, отделив от себя религиозные организации, государство строго предписало им только запреты, максимально ограничив возможности для их жизнедеятельности уже самим законом. Если же иметь в виду советскую практику игнорирования и нарушения государством им самих же принятых законов, то становятся очевидными те проблемы, с которыми сталкивались верующие и их организации в нашей стране.

Принцип "регистрации", введенный Декретом ВЦИК от 12 июня 1922 г., закрепленный постановлениями 1929 г., ставил вне закона все религиозные общества, не получивших разрешения на свое существование от местных органов власти. Поскольку в Декрете указывалось, что в регистрации должно быть "отказано, если утверждаемое общество или Союз по своим целям или методам деятельности противоречат Конституции РСФСР и ее законам", это открывало возможность полного произвола властей в отношении регистрации, поскольку обвинения в антисоветских целях и, тем более, "методах" могло быть применено к любой религиозной организации¹³. Это доказывает юридическая и административная практика не только послереволюционного периода, что могло быть еще хоть как-то объяснено, но и всех лет существования советской власти, включая 1940-1950-е гг. Нередко, сама принадлежность к церкви, к одной из конфессий, к их организациям становилась преступлением, а регистрация, снимавшая это обвинение, выдавалась при выполнении практически произвольных требований властей. Как крайне враждебные советскому строю или несоответствующие его нормам (как считалось, практиковавшие культ изуверского характера) и потому не подлежавшие регистрации оценивались

организации таких конфессий, как истинно-православная церковь и истинно-православные христиане, хлыстовствующие, истинно-православные христиане-странствующие, иннокентьевцы, мурашковцы, скопцы, ионниаты, пятидесятники, Свидетели Иеговы, адвентисты седьмого дня, меннониты и некоторые другие¹⁴. Преследование их со стороны государство было постоянным, разнообразным и вполне легитимным, поскольку все перечисленные организации существовали и действовали вне закона. В 1940-1950-е гг. по специальным постановлениям СНК и СМ СССР и соответствующим Указам ВС СССР (например, указ от 11 марта 1952 г.) было осуществлено несколько высылки на спецпоселение в отдаленные районы страны, в Сибирь в первую очередь, участников сект Свидетелей Иеговы, истинно-православных христиан, иннокентьевцев, адвентистов-реформистов и членов их семей¹⁵.

Но ограничительный характер культового законодательства был бы наименьшим злом, если бы государство действовало хотя бы в его рамках. История борьбы советской власти с религиозными организациями хорошо изучена и известна. В первые послереволюционные десятилетия произошло массовое закрытие молитвенных домов все конфессий, были распущены большинство религиозных организаций, запрещена деятельность руководящих церковных центров, репрессированы тысячи служителей культа, подверглись дискриминации миллионы верующих. Так, к 1940 г. на территории Западной Сибири прекратили официальную (легальную) деятельность практически все религиозные объединения, были закрыты все действовавшие ранее старообрядческие церкви, мечети, костелы, кирхи, синагоги, молитвенные дома баптистов, евангелистов и др. протестантских конфессий. Из более чем трех тысяч храмов РПЦ, существовавших до революции, на территории края в 1940 г. оказались не закрытыми только два. Таким образом, предвоенные десятилетия показали, что отделение церкви от государства вылилось в ее институциональное разрушение, оттеснение религии из общественной сферы в частную и официально разрешенные места для богослужений.

Понятно, что такой натиск на религию, церкви, духовенство и верующих сопровождался и в 1920-е, и в 1930-е гг. повсеместным нарушением и без того ограниченного правового поля, в котором могли действовать религиозные организации и верующие. Чтобы оправдать массовое нарушение законодательства о культах, в 1937 г. завязалась дискуссия о том, необходимо ли оно вообще. В мае этого года Г. Маленков поставил перед И. Сталиным вопрос о необходимости отмены Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях». По смыслу письма Маленкова выходило, что ВЦИК и СНК своим постановлением создали организационную основу для оформления наиболее активной части церковников и сектантов в лице так называемых учредительных двадцаток¹⁶.

Категорическое несогласие с такой оценкой закона высказал председатель Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК П. Красиков. Оппонируя Маленкову, он подчеркнул, что смысл постановления 1929 г. заключался в том, чтобы легализовав деятельность религиозных обществ, не допустить ухода их в подполье и тем самым потерять контроль за ними. «Имеющиеся материалы показывают, - писал Красиков, что неправильное применение закона, перегибы, левацкие заскоки, а также прямое вредительское форсирование «ликвидации религии» во многих местностях Союза загоняли в подполье и секты немалое количество верующих и делали их враждебными или контрреволюционерами¹⁷. Он также не согласился, что все члены религиозного актива являлись ярыми врагами советской власти, признав, при этом, что все же религия, церковь и часть церковников всегда будут таковыми¹⁸. Председатель Комиссии по вопросам культов признал, что закон о религиозных объединениях устарел, требует соответствующих изменений, но говорить об его отмене вообще – политически неправильно. Никакого нового закона о религиозных организациях перед Отечественной войной так и не было принято, правда в 1938 г. была ликвидирована сама Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК.

Определенное изменение в годы Великой Отечественной войны политики сталинского руководства в отношении РПЦ и других отдельных церквей нашло выражение и в некоторой либерализации правового статуса религиозных организаций. Как уже отмечалось, в 1943-1946 гг. СНК и Совмином СССР был издан ряд постановлений и распоряжений по вопросам как Русской православной церкви, так и других конфессий, деятельность которых определенным образом легализировалась и легитимировалась. В эти же годы государство создало два специальных органа, которые были призваны осуществлять контакты между государством и разрешенными к существованию религиозными объединениями. Ими стали Совет по делам Русской православной церкви и Совет по делам религиозных культов¹⁹, взявшие на себя основные функции и по контролю за религиозными организациями, и по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах, функции и регистратора, и разработчика различных постановлений, указов и распоряжений относительно «религиозного вопроса». На сегодня общепризнан факт, что названные институты и их уполномоченные по республикам, краям и областям осуществляли тотальный контроль за деятельностью религиозных организаций, духовенством и верующими-активистами, осуществляли мелочную регламентацию всех сторон жизнедеятельности религиозных обществ, бесцеремонно вмешивались в их внутреннюю жизнь²⁰. Достаточно сказать, что в недрах Советов разрабатывались, а затем навязывались руководящим органам церкви Положения об их управлении и т.п. Так было, например, с Положением об управлении РПЦ, принятыми в 1945 и 1961 гг.²¹

Порядок получения и открытия молитвенного здания религиозной организации более детально регулировался специальными постановлениями СНК СССР от 28 ноября 1943 г. «О порядке открытия церквей» и от 19 ноября 1944 г. «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов»²². Их появление было обусловлено принятым тогда курсом государства на открытие некоторого количества церквей РПЦ и других конфессий, определенного расширения

возможностей их деятельности. Именно этим объяснялись незначительное облегчение и ускорение процедуры оформления всех документов на получение культового здания. Действительно, как свидетельствуют факты, в 1944-1946 гг., решения об открытии отдельных церквей принимались довольно быстро. Потом же, когда, по мнению властей, была возобновлена деятельность достаточного количества приходов, получить такое разрешение стало крайне затруднительным, и многочисленные просьбы верующих иметь церковь или молитвенный дом оставались без положительного ответа. Например, за период с 1943 по 1948 гг. по всей Западной Сибири было разрешено открытие всего 56 храмов РПЦ, 2 церквей старообрядцев белокриницкого согласия, 4 мусульманских мечетей, 2 синагог, около двух десятков молитвенных домов евангельских христиан-баптистов. После 1948 г. в регионе вообще не было открыто ни одного нового культового здания²³.

Имущественно-финансовая сторона деятельности религиозных организаций регулировалась рядом специальных правительственных решений. По постановлению СНК от 22 августа 1945 г. епархиям, приходам, монастырям предоставлялось ограниченное право юридического лица на приобретение некоторого имущества: транспорта, домов, дач и т.д. Разрешалось производство церковной утвари, предметов религиозного культа и продажа произведенного. Местным властям данное постановление рекомендовало не препятствовать церковным общинам производить колокольный звон, используя имевшиеся колокола и не возражать против их приобретения. Более того, советовалось по возможности снабжать приходы кое-каким строительным материалом²⁴. Составители данного документа, видимо, отдавали отчет, что за 1920-30-е годы церкви были изрядно разграблены, разрушены, запущены и, давая некоторым из них возможность возродиться, пошли на такое послабление.

В январе 1946 г. СНК СССР принял последнее в ряду «либеральных» постановлений по религиозному вопросу. Этим постановлением запрещалось закрывать без специального разрешения Советов по делам РПЦ и религиозных

культов молитвенные здания (костелы, кирхи, синагоги, молитвенные дома), находившиеся в пользовании религиозных обществ. Также без аналогичного разрешения запрещалось переоборудование не действовавших храмов, а их разбор и слом рассматривался как крайний случай и мог осуществляться только при наличии соответствующего технического акта. Местным органам власти было предложено находить возможность и выделять религиозным обществам хоть какой-то материал для проведения ремонта культовых помещений. Пункт 6 данного Постановления предписывал не препятствовать колокольному звону, призывам муэдзинов с крыш или минаретов мечетей. Органам религиозных обществ предоставлялось ограниченное право юридического лица, разрешалось иметь счета в Госбанке²⁵. Таким образом, группа постановлений 1940-х гг. в определенной мере противоречило Декрету 1918 г. и Постановлению 1929 г., особенно в части наделение религиозных организаций правом юридического лица (пусть и ограниченным). Содержание этого права заключалось в следующем.

В распоряжении религиозного общества находились два вида собственности. Первая – государственная - включала церковное здание, имущество, то, что государство давало общине в бессрочную и бесплатную аренду в соответствии с заключенным договором между учредительной "двадцаткой" и местным исполнительным органом власти. Второй вид собственности возник на основе постановления СНК СССР от 22 августа 1945 г.²⁶ Но, разрешив приобретать и пользоваться приобретенным имуществом, власти отказали объединениям верующих в третьем составляющем права на собственность: праве распоряжаться им. В итоге получалось, что у религиозных общин ничего собственного не было, даже того, что приобреталось ими за свой счет.

Таким образом, постановление 1945 г. было с "двойным дном": когда по той или иной причине ликвидировалось религиозное общество, приобретенное им на собственные средства имущество переходило в пользование государства²⁷.

Следует подчеркнуть, что финансово-налоговое бремя было тем рычагом, который власти успешно использовали для борьбы с зарегистрированными конфессиями. Так, переданные в "бесплатную и бессрочную аренду" молитвенные помещения облагались максимально высоким налогом на строение и на земельный участок. Доходы с монастырей, принадлежавших им сельхозугодий, а также доходы свечных производств облагались по ст. 19 Указа Президиума от 30 апреля 1943 г. «О подоходном налоге с населения», что составляло 81% от реальных поступлений²⁸.

Дело в том, что лояльное и законопослушное поведение зарегистрированных объединений почти не давало властям поводов обвинять их в нарушении законодательства, в отличие от незарегистрированных групп, чья деятельность априорно могла рассматриваться как незаконная. Тем не менее, выход находили. Основания для наказания зарегистрированных групп искали прежде всего в сфере их материально-финансовой деятельности.

Как уже отмечалось, в соответствие с имевшимися тогда законами, в случае исчезновения общества верующих (самороспуск, снятие с регистрации и т.д.) все принадлежавшее ему имущество переходило в ведение государства. Для этого существовала специальная инструкция, которая предусматривала порядок распределения культового имущества при ликвидации религиозного объединения. В частности, все предметы из платины, серебра, парчи, драгоценные камни зачислялись в Государственный фонд; все предметы исторической, художественной, музейной ценности передавались в музеи; предметы обихода (колокола, люстры, ковры, мебель, средства транспорта и т.п.) зачислялись в Госфонд и передавались в распоряжение местного финотдела; то же самое происходило с другим имуществом (ладан, вино, масло, свечи, воск, дрова, уголь) и деньгами. Исключение составляли предметы чисто религиозного культа (иконы, благочиния, хоругви, покрывала и т.п.). Они могли быть переданы другому действовавшему объединению той же самой конфессии²⁹.

Помимо установленных имущественных и финансовых прав (или бесправия? - Л.С.) религиозных объединений, законодательно регулировалась и финансовая сторона деятельности клира. Существовало специальное постановление №2584 Совета Министров СССР от 3.12.1946 г. "О порядке обложения налогами служителей религиозных культов". В соответствии с ним священнослужители попадали под действие статьи 19 Указа Президиума Верховного Совета СССР 1943 г. "О подоходном налоге с населения" и облагались налогом на одинаковых условиях с лицами, работавшими не по найму. Они должны были платить по доходам: 1) от совершенных религиозных обрядов; 2) полученных от епархии; 3) поступивших от верующих; 4) от строений и сельхозугодий. Двойное налогообложение вводилось для тех из них, кто занимался преподавательской деятельностью, работал в органах церковного управления, при этом и с этих заработков они налогооблагались по 19 статье. Священников сельской местности привлекали к самообложению согласно постановлению ЦИК и СНК от 11 сентября 1937 г. "О самообложении сельского населения". Размер его составлял 150 руб.³⁰ Налоги платили не только профессиональное духовенство, но и религиозные активисты - члены исполнительных органов, регенты, органисты, певчие, а также обслуживающий персонал церкви. Все они должны были заполнять декларацию о доходах. За соблюдением данного закона власти устанавливали особенно тщательный контроль. Злоупотреблений со стороны финансовых налоговых служб было очень много, жалобы в адрес уполномоченных Совета и другие властные структуры шли потоком. Духовенство указывало в них, что налоговое бремя, во-первых, очень часто налагалось произвольно, а во-вторых, было столь высоко, что ставился вопрос об элементарном выживании. Достаточно сказать, что налог следовало платить даже с пенсий и лечебных пособий³¹. Чтобы иметь какие-либо средства к существованию, священники иногда шли на занижение показателей по религиозной обрядности. Изобличение же в этом, в свою очередь, всегда являлось основанием объявить служителя культа нарушителем законов, хитрецом, лгуном

и даже вором. В 1946 г. министерство финансов в своей записке в Совет по делам РПЦ признало, что финансовые органы нередко допускали неправильный учет и определяли размеры доходов служителей церкви, в том числе определяли налог по наиболее доходным месяцам, включали в личные доходы священников доходы всей церкви и т.д.³²

Вообще, вольное отношение к узаконенным регламентациям жизнедеятельности религиозных организаций, духовенства и верующих было характерной чертой советской общественно-политической системы и ее властно-административных субъектов. В рассматриваемые годы в этом отношении можно обнаружить неисчислимое количество примеров произвола и беззакония в действиях представителей властей разных уровней, больших и малых начальников³³. Ни о каком соблюдении принципов свободы совести речи быть не может, поскольку формально предоставив человеку право исповедовать любую религию, государство фактически разнообразно наказывало его за такой выбор. Так, нередко имели место случаи преследования за веру по месту работы и даже запрет на профессию в связи с ней. Человека могли уволить с производства, когда обнаруживалась его принадлежность к религиозной группе, лишить премии, понизить в должности³⁴. Советские люди понимали, что быть верующим – это не только испытывать ограничения в карьере, получении образования, но и подвергать себя иным вероятным преследованиям.

Значительную роль в определении положения религиозных организаций, духовенства и верующих в советской стране играло уголовное законодательство. Уголовный Кодекс (УК) РСФСР в редакции 1926 г. предусматривал судопроизводство в отношении религиозных организаций, их руководителей и членов, которое осуществлялось по статьям третьей главы «О нарушении правил об отделении церкви от государства и школы от церкви». Объектом преступного посягательства в этой главе объявлялись изданные советской властью законы и правила отделения церкви от государства. Преступления, предусмотренные в ней, делились (по классификации советских правоведов) на

две группы: 1) статьи, ограждавшие свободу граждан в религиозной области (124, 127) и 2) остальные статьи, ограждавшие трудящихся от попыток церкви сохранить те или иные права государственной или общественной жизни (ст. 122, 123, 125, 126)³⁵.

Статья 122 запрещала преподавание детям религиозного вероучения в государственных или частных учебных заведениях. Ее нарушение могло привести к наказанию в виде исправительно-трудовых работ сроком до одного года. За совершение обманных действий с целью возбуждения суеверия в массах населения и извлечения таким путем выгод статья 123 предусматривала исправительно-трудовые работы на срок до одного года с конфискацией части имущества или штраф в 500 рублей. Подвергнуться штрафу до 300 рублей или получить до шести месяцев исправительных работ можно было по статье 124, которая запрещала принудительное взимание сборов в пользу церковно-религиозных групп. Аналогичное наказание содержала и статья 125, но уже за «присвоение себе религиозными или церковными организациями административных, судебных или иных публично-правовых функций и прав юридического лица». Имелось ввиду предупреждение и наказание за попытки выдачи религиозными организациями каких-либо метрических данных

Статья 126 УК РСФСР применялась за совершение религиозных обрядов в государственных и общественных учреждениях или за помещение в них каких-либо религиозных изображений³⁶.

Как видно, все перечисленные статьи, во-первых, имели основания для широчайшей трактовки, а, во-вторых, предусматривали уголовное наказание исключительно для верующих. Только статья 127 предполагала привлечение к ответственности (исправительно-трудовые работы до 6 месяцев) тех, кто воспрепятствовал исполнению религиозных обрядов, не нарушавших общественный порядок и не сопровождавшихся посягательством на права граждан³⁷. Но практика применения этой статьи нами не выявлена, поскольку соответствующих документов на этот счет в архивах не обнаружено. Возможно,

их нет потому, что данную статью к представителям власти просто не применяли. Что же касается других названных статей УК РСФСР, то в основном наказания верующих осуществлялись в соответствии со статьями 122, 124, 125³⁸.

Поистине зловещей для священников, религиозного актива и рядовых верующих стала ст. 58 УК РСФСР, которая применялась к ним в течение двух с половиной десятилетий, начиная со времени появления и вплоть до смерти И. Сталина. Именно представителям церквей приговоры по указанной статье выносились не только в период массовых репрессий, но и в 1940-е - начале 1950-х гг. Так, в 1948 г. был арестован и приговорен к 10 годам в исправительно-трудовых лагерях и 5 годам поражения в правах архимандрит Питирим (Локтионов), служивший в Троицкой церкви г. Томска. Вместе с ним были арестованы еще 5 человек: церковный староста и его помощник, 2 сторожа церкви и рядовая верующая М. Егорова. Последней, в частности, предъявили обвинения в том, что она собирала подписи за открытие церкви в г. Томске, носила передачи в тюрьму для священников, оказывала приют священникам и монахам, организовывала у себя на квартире богослужения. За все это женщину приговорили к 7 годам ИТЛ³⁹. Священник Петропавловской церкви г. Томска Д. Родионов в этом же году был осужден на 25 лет⁴⁰.

В 1949 г. в антисоветской деятельности был обвинен и осужден на 25 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах настоятель томской Троицкой церкви о. Михаил Петров и бухгалтер прихода В. Хаов. При этом оба уже ранее были наказаны по ст. 58. Первый отсидел в лагерях по ней 6 лет, а второй – целых десять⁴¹. В 1950 г. к 10 годам лагерей и поражению в правах был приговорен 75-летний митрофорный протоиерей Михаил Рубинский (г. Томск)⁴². Напомним, все эти аресты и осуждения пришлось на самый «мягкий» период политики советского государства в отношении церкви.

В свете последних примеров стоит отметить еще одну сторону правового регулирования религии в СССР: широко практиковавшееся преследование верующих не только по собственно «советскому законодательству о религиозных

культмах», но получавшее оправдание путем определения религиозной деятельности и активности как сугубо светской, которая, якобы, подпадала под уголовные законы или нормы административного права. К ним относились такие виды деятельности, как организация петиций, собраний, отказ участвовать в государственных церемониях, брать в руки оружие, обучать детей (даже собственных) религии, благотворительность, и даже попытки провести ремонт молитвенных помещений, придать им «благолепие». Верующих, критиковавших советское законодательство о культах и практику его применения, наказывали за «антисоветскую пропаганду», «распространение заведомо ложных сведений, порочавших советскую государственную и общественную систему». Организация религиозного собрания на открытом воздухе квалифицировалась как нарушение общественного порядка, руководителей религиозных обществ привлекали к ответственности за «тунеядство» и «паразитический образ жизни» и т.д.⁴³

Таким образом, анализ правового положения религиозных организаций в СССР показывает, что советское государство создало ограничительно-запретительное законодательство о религиозных культах, полностью перечеркнув принципы отделения церкви от государства и свободы совести. Оно во всей полноте пользовалось исключительным правом государства на легитимное насилие, предусмотрительно и многообразно включив его в свою законодательную систему.

¹ Барменков А.И. Свобода совести в СССР. – М.: Юрид. лит-ра, 1979; Клочков В.В. Религия, государство, право. – М.: Юрид. лит-ра, 1978. Он же. Закон и религия. От государственной религии в России к свободе совести в СССР. – М.: Политиздат, 1982; Кириченко М.Г. Свобода совести в СССР. – М.: Юрид. лит-ра, 1985..

² Шафаревич И. Законодательство о религии в СССР. - Париж: ИМКА-Пресс, 1973.

³ Известны два основных статуса церкви в государстве: 1) государственная церковь, закрепление ее привилегий по сравнению с другими вероисповеданиями, 2) отделение церкви от государства. Режим отделения церкви от государства содержит следующие основные положения: государство не вправе контролировать отношение своих граждан к религии и не ведет учета по этому признаку; государство не вмешивается во внутрицерковную деятельность, если при этом не нарушаются действующие законы; не вмешивается в содержание вероучения, обрядов, церемоний культа и другие формы удовлетворения религиозных потребностей, во внутреннее самоуправление религиозных организаций, их отношения с верующими, а также в расходование средств, связанных с религиозными потребностями; государство не оказывает церкви материальной, финансовой и иной поддержки, церковь не выполняет каких-либо государственных функций; она не вмешивается в дела государства, а занимается лишь вопросами, связанными с удовлетворением религиозных потребностей граждан; государство, со своей стороны, охраняет законную деятельность церкви и религиозных организаций // Морозова Л. Государство и церковь: особенности взаимоотношений // Государство и право. – 1995. - №3. – с. 86-96.

⁴ Декрет СНК от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» // О религии и церкви. – М.: Политиздат, 1981. – С. 114-115.

⁵ Конституция (основной закон) СССР от 5 дек. 1936 г. // Сборник законов СССР. 1938-1945 гг. – М.: Изд. Известия, 1975. С. 21.

⁶ В этой связи хотелось бы обратить внимание на следующее. Все официальное советское законодательство о религиозных культах одновременно сопровождалось значительным количеством секретных распоряжений, предписаний, служебных инструкций, закрытых постановлений, секретных сведений, о содержании которых знало небольшое количество людей. А верующие, против которых принимались эти документы, порою и не ведали, в соответствии с каким законом их наказывают. Принцип "незнание закона не освобождает от ответственности" срабатывал четко применительно к религиозным людям. Порою положения инструкций либо не соответствовали, либо прямо противоречили имевшимся официальным законам. Примером может служить случай с колокольным звоном. Закон он был разрешен, но инструкции советовали принимать меры по его ограничению. Так, уполномоченному Совету по делам РПЦ по Тюменской области Потехину сделали замечание за то, что он "разгласил" инструкцию по применению законодательства о культах, когда, ссылаясь на нее, вел борьбу за прекращение колокольного звона, производимого Тюменским собором // ЦХАФ АК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 67. Л. 173.

⁷ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. "О религиозных объединениях" // Русская православная церковь в советское время. – М.: Пропилеи, 1995. Кн.1. – С.301.

⁸ См.: Шафаревич И. Указ соч. С. 12.

⁹ Там же.

¹⁰ "Инструкция" 1961 г., официально закрепляя сложившуюся в предыдущие годы практику, добавляла еще несколько оснований для снятия с регистрации молитвенного помещения: 1) в случае снятия с регистрации религиозного общества, пользовавшегося этим зданием; 2) если здание культа подлежит сносу вследствие реконструкции населенного пункта или из-за ветхости.

Существовало ряд уловок, используя которые власти могли избавляться и от культового помещения, и затем, от религиозного общества. В случае "несоблюдения религиозными объединениями договора о пользовании арендуемым молитвенным помещением" этот договор мог быть властями расторгнут. В случае признания арендованного помещения аварийным или при обнаружении в нем несоответствия санитарным, противопожарным и прочим нормам использовать здание временно запрещалось. Но, как показывают многочисленные факты, это временное превращалось в постоянное: те молитвенные помещения, которые закрывались ввиду аварийно-технических причин, как правило, уже никогда не возобновляли свою работу.

¹¹ Шафаревич И. Указ. соч. – С.11.

¹² Постановление ... // Русская православная церковь в советское время..., С.303-305.

¹³ Отражая сложившуюся за годы советской власти практику, §23 Инструкции 1961 г. о применении законодательства о религиозных культах также указывал, что не подлежали регистрации религиозные общества и группы верующих, принадлежавшие к сектам, вероучение которых носило антигосударственный и (или) изуверский характер. При этом нигде, ни в самом законе, ни в Инструкциях не было разъяснений ни термина "антигосударственный", ни "изуверский" и это, безусловно, создавало основание для совершенно произвольного толкования того и другого. Более того, в этом параграфе список сект, которые не подлежали регистрации по указанным выше причинам, оставался открытым, так как заканчивался обозначением "и т.п.". Это, в свою очередь, позволяло так же произвольно продолжать его, занося в список неразрешенных все новые и новые организации, что и происходило на практике. – См.: Инструкция по применению законодательства о культах. Утверждена Постановлением Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР и Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР 16 марта 1961 г. // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 306. Л. 7

¹⁴ В любом обществе всегда существуют религиозные объединения, которые сознательно стремятся к изоляции от активных проявлений мирской жизни. В этом отражается специфическое понимание их членами и религиозной догматики, и религиозного долга, и религиозного служения, и самого внешнего мира. Самоотторжение делает эти группы специфически маргинальными даже в тех социумах, в которых религиозность человека – одобряемое явление. Понятно, что такая маргинальность усугубляется в антитеистических обществах. Значительную часть религиозных обществ в советской стране составляли те, чья изоляция и самоизоляция обуславливалась их категорическим неприятием советской власти, советского законодательства о религиозных культах, всей системы госатеизма. В данном случае наблюдался двусторонний процесс: государство категорически не принимало такую позицию религиозных организаций и официально объявляло их вне закона, в те, в свою очередь, не признавали государство (ИПХ-ИПЦ, Свидетели Иеговы, адвентисты-реформисты, часть пятидесятников и общин старообрядческих толков в соответствии с глубоко укоренившейся у последних традицией рассматривать государство как детище антихриста.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 4. Д. 119. Л. 15. Только в 1965 г. с них были сняты ограничения по спецпоселению, при этом им не возвращалось конфискованное имущество и ограничивались возможности по возвращению в прежние места жительства. – См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1965 г. «О снятии ограничений по

спецпоселению с участников сект «свидетелей иеговы», «истинно-православных христиан», «иннокентьевцев», «адвентистов-реформистов» и членов их семей // Там же.

¹⁶ В заключении своей записки Сталину Маленков настаивал: «Декретом мы сами создали широко разветвленную, враждебную советской власти легальную организацию в 600 тыс. человек по всему СССР» – См.: ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 2. Д. 9. Л. 37.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 2. Д. 9. Л. 37.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 2. Д. 9. Л. 32-33.

¹⁹ См.: Постановление СНК СССР №527 от 19 мая 1944 г. «Об организации Совета по делам религиозных культов» // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 40-42.

²⁰ См.: Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. – М.: АИРО-XX, 1999; Сосковец Л.И. Религиозные конфессии Западной Сибири в 40-60-е годы XX века. – Томск: Изд-во. Томского университета, 2003.

²¹ См.: Постановление СНК СССР от 28 января 1945 г. «О Положении об управлении Русской православной церкви»: «СНК постановляет: утвердить предложение Совета по делам РПЦ по проекту Положения об управлении Русской православной церкви. В. Молотов» // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 25-27; Д. 29. Л. 2.

²² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Л. 57-60.

²³ ГАТО. Ф.1786. Оп.1. Д.8. Л.101-102.

²⁴ См.: Постановление СНК №2137-546 с. от 22 августа 1945 г. «По вопросам, относящимся к православной церкви и монастырям» // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 10. Л. 59-60.

²⁵ Постановление СНК СССР №232-1-1 с от 28. 01. 1946 г. «О молитвенных зданиях религиозных обществ» // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 34. Л. 1-2.

²⁶ С 1960 г. это Постановление утратило силу, как и ряд других решений правительства 1940-х гг., в том числе те, по которым церквям разрешалось приобретать колокола и производить колокольный звон, запрещалось местным советам без специального разрешения Совета по Делах РПЦ и Совета по делам религиозных культов переоборудовать, пускать под сомнение не действовавшие молитвенные здания и некоторые другие. В мотивировке отмены действий указанных постановлений отмечалось, что они по своему характеру противоречили законодательству о культах, особенно в части предоставления религиозным объединениям права юридического лица // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 210. Л. 37-39. Перечень отмененных и измененных постановлений состоял из 10 наименований. – См.: Постановление СМ СССР от 16 марта 1961 г. // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 302. Л. 3.

²⁷ Именно так и произошло в 1960-е годы, после разработки новой Инструкции по применению законов и постановлений. В частности, определялось, что имущество, вновь приобретенное органами религиозных культов, является национализированным и находится на учете в местных органах власти. Отныне предусматривалось давать разрешение на покупку домов, автотранспорта и т.п. только в исключительных случаях. Одновременно ставилась задача не допускать излишеств в декоративном украшении церквей, создания в них благолепия. Иными словами, приходом чинились новые препятствия для приобретения строительно-ремонтного материала и оборудования. – См.: Инструкция по применению законодательства о культах 1960 г. // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 210. Л. 49.

²⁸ Постановление СНК СССР от 29 авг. 1945 г. «О порядке обложения доходами монастырей и предприятий при епархиальных управлениях» // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 29. Л. 38.

³⁰ ГАРФ. Ф.6991. Оп.3. Д.34. Л.313.

³¹ Только распоряжением Совета Министров СССР в 1957 г. были освобождены от уплаты с пенсий священники, если они не имели больше никаких приработков. Наконец-то сочли невозможным облагать налогами пособия, которые получали семьи умерших клириков по случаю потери кормильца. Очень "милосердный" жест со стороны государства. Зато категорически отвергалась мысль о переквалификации статей с 19 на 18. Противники такого послабления настаивали на сохранении 19 статьи как "идеологического принципа", хотя ясно, что и денежный играл не последнюю роль. Только в январе 1981 г. потолок взимания налогов с духовенства был установлен в 69% вместо 81%. Таким образом, церковные доходы были переведены из категории "частное предпринимательство" в "частные доходы". Но это не распространялось на доходы от производства и продажи предметов религиозного культа, других сделок, которые по-прежнему облагались по статье 19. См.: Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX в. – М.: Республика, 1995. – С.976.

³² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 12. Д. 8. Л. 92.

³³ См.: ГАТО. Ф. Р-1786. Оп. 1. Д. 14. Л. 21; Д. 11. Л. 14; ГАКО. Ф. 964. Оп. 1. Д. 42. Л. 169.

³⁴ ЦДНИОО. Ф. 764. Оп. 4. Д. 126. Л. 125; ГАКО. Ф. 964. Оп. 1. Д. 49а. Л.145; ЦХАФ АК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 12. Л. 28.

³⁵ Уголовный Кодекс РСФСР в редакции 1926 г. в вопросах и ответах. М., 1927. С. 146-148.

³⁶ Там же.

Там же. В уголовном судопроизводстве явно прослеживалась тенденция ужесточения законодательства. В июле 1961 г. были внесены существенные изменения в статью 227 УК РСФСР «Посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов»³⁷. Эти изменения касались, в первую очередь, таких религиозных объединений, именовавшихся сектами, как Свидетели Иеговы, пятидесятники, скопцы, хлысты, иннокентьевцы и др. Считалось, что их деятельность сопряжена с причинением вреда здоровью граждан, а также посягательством на их личные права. Все они были запрещены на территории страны и не подлежали регистрации. Часть I статьи 227 УК РСФСР предусматривала ответственность за организацию или руководство таким объединением, либо за побуждение граждан к отказу от общественной деятельности, исполнения ими гражданских обязанностей, а равно и за вовлечение в эту группу несовершеннолетних³⁷.

Что имелось ввиду? Нанесение вреда здоровью людей действительно заключалось в некоторых требованиях и предписаниях отдельных деноминаций: в секте скопцов верующих подвергали кастрации; длительные систематические моления «до сошествия святого духа» могли вызывать психические расстройства у пятидесятников, скопцов; иеговистам запрещалось получать некоторые виды медицинской помощи - переливание крови, прививки; практиковались изнуряющие посты, когда ничего, кроме воды, не употреблялось, что тоже наносило урон здоровью.

Под посягательством на личность понималось унижение чести и достоинства граждан, лишение их свободы (изоляция в отдельных помещениях в качестве отбытия наказания за грех), половой разврат, допускавшихся в отдельных сектах. В других из них верующим если не прямо, то косвенно запрещалось вступать в брак с неверующими или инаковерцами, посещать кино, театры и т.д. Дети верующих, как правило, не вступали в пионеры, не принимали участия в общественной жизни школы. Такие случаи встречались.

Побуждение к отказу от общественной деятельности или исполнению гражданских обязанностей проявлялось в том, что пятидесятники, иеговисты, истинно-православные христиане отказывались от службы в армии. ИПХ объявляли богопротивным труд в общественном производстве. Даже в современных условиях, когда принцип свободы личного выбора воспринимается с большим пониманием, общественное мнение, тем не менее, с подозрением относится к подобным проявлениям религиозности. Что же говорить о советских временах? Безусловно, перечисленное поведение «сектантов» не только не вызывало сочувствия, но ужесточение их преследований одобрялось советской общественностью³⁷.

В части II 227 статья предусматривала наступление ответственности за создание запрещенных групп, агитацию за них, за вовлечение в эти секты несовершеннолетних, за совершение запрещенных данной статьей деяний, за активное участие в такой группе, за систематическую пропаганду, «направленную к совершению указанных в ней деяний»³⁷. Особо подчеркивалось, что, если под предлогом религиозной деятельности члены религиозных групп использовались для совершения опасных государственных преступлений - антисоветской пропаганды и агитации, сбора шпионской информации и т.п., то виновные должны нести ответственность по соответствующим статьям Уголовного Кодекса.

Стоит иметь в виду, что шпиономания в 1940-1960-е г. по-прежнему процветала. А поскольку некоторые объединения, находясь на территории СССР, имели руководящие религиозные центры за рубежом (адвентисты 7 дня, Свидетели Иеговы - в США) и получали оттуда литературу, то обвинить их в антисоветской, шпионской деятельности было несложно. Верующим этих, да и других конфессий (лютеранам, меннонитам), ввиду полного отсутствия возможности иметь религиозную литературу, включая Библию, Евангелия и др., приходилось и ее получать из-за границы, что оценивалось как связь с идеологическими и диверсионными центрами Запада.

Таким образом, Указ Верховного Совета РСФСР 1961 г. существенно изменил содержание статьи 227 Уголовного Кодекса, более подробно изложил признаки состава преступлений, предусматривавшихся ею, расширил круг лиц, несущих ответственность по этой статье. Завершая разговор о 227 статье, хочется вслед за И. Шафаревичем задать вопрос: Если обсуждаемые в ней действия были наказуемы сами по себе, и мы не спорим с этим, то чем объяснить особое выделение случаев, когда они производились под видом исполнения религиозных обрядов? Ведь вред здоровью причинялся не только на почве религиозной обрядности, равно как и посягательство на достоинство личности. Существовали другие статьи УК, предусматривавшие наказание за это, равно как и за шпионскую деятельность, почему бы и к верующим их было не применять? Получалось, что в данных случаях религия рассматривалась как отягчающее обстоятельство³⁷.

³⁸ В 1946 г. при обсуждении Уголовного Кодекса СССР планировалось вместо главы «Нарушение правил об отделении церкви от государства», содержавшую ст. 122-127, внести в главу УК СССР «Преступление против порядка управления» только две статьи: 1. Нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви и 2. Воспрепятствование отправлению религиозных культов // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 8. Л. 101.

³⁹ Локтионов Петр Сергеевич – архимандрит Питирим, 1886 г. рождения. Воспитывался в монастыре, после окончания духовной семинарии был пострижен в монахи. Был знаком с Антонием Храповицким, служил игуменом в Казанском монастыре, который был разогнан в 1920 г. Первый раз по 58 ст. был осужден в 1932 г., второй срок по этой же статье получил в 1942 г. Сидел в Мариинских лагерях, откуда по болезни был освобожден. Третий арест и осуждение по ст. 58 произошли в 1948 г. //

⁴⁰ ГАТО. Ф. Р-1786. Оп. 1. Д. 74.

41
42
43